

М.Н. КИМ, профессор,

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина,

В.М. БЕРЕЖНОЙ, профессор, Харьковский национальный
автомобильно-дорожный университет

С.Ю. ДЕФОРЖ, Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина,

ОБ ОПЫТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛЬНОЙ РЫ- НОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Процесс рыночных преобразований в Украине и других постсоветских республиках принял затяжной характер. Двенадцать лет системной трансформации наглядно демонстрируют углубляющееся противоречие между политически обозначенными целями реформ и социально-экономическими реалиями. Провозглашение в Конституциях большинства бывших социалистических государств построения социального правового государства, основанного на рыночной экономике (ст. 1, 13 Конституции Украины [9]; ст. 7 Конституции РФ [16, с.729]; ст. 20 Конституции Польской Республики [21] и др.) имеет пока преимущественно идеологическую направленность. Некоторое улучшение основных макроэкономических показателей Украины и России, усиленно пропагандируемое рядом отечественных СМИ и популистскими политиками, представляется первым, достаточно скромным шагом по пути хозяйственной стабилизации. Впрочем, столь болезненная для социума затянутость переходных процессов в постсоветских республиках имеет, на наш взгляд, и положительную сторону. Ментальная отечественная неповоротливость («Тише едешь – дальше будешь») позволила доморощенным политикам сопоставить теоретические выкладки западной науки (и прежде всего – абсолютно доминировавшие в среде наших реформаторов в 90-е годы неоклассические рецепты "экономикс") с практическими результатами радикальных рыночных изменений в странах ЦВЕ и градуалистского топтания на месте в странах СНГ. В итоге политические элиты наконец-то признали то, что стало аксиомой для большинства ученых-обществоведов: приоритетное значение в

процессе рыночных преобразований имеют не политические декларации (пусть даже облаченные в форму самых передовых законодательных актов), не ускоренная приватизация или обвальная либерализация цен, а создание базовых условий, институционального фундамента рыночной экономики. Отражением трудного политического прозрения стал весьма содержательный государственный документ (не получивший, на наш взгляд, должного общественного резонанса) – Послание Президента Украины к Верховной Раде Украины "Европейский выбор. Концептуальные основы экономического и социального развития Украины на 2002-2011 годы" [6]. Подводя итоги общественных преобразований в Украине в 1991-2001 гг., в документе делаются вполне определенные выводы:

1) Модель рыночной трансформации в Украине оказалась ошибочной, поскольку она "фактически сводилась к логике однобокого экономизма, без учета приоритетности институциональных преобразований";

2) Модель рыночной трансформации оказалась "не просто ошибочной, а глубоко деструктивной", поскольку "не имела необходимой социальной направленности".

Отметим, что повсеместному признанию приоритетности институциональных изменений несомненно способствовало бурное развитие современного институционализма в последней трети XX века. (Косвенным признаком важности и перспективности институционализма стало присуждение Нобелевских премий по экономике в 1986 г. Дж. Бьюкенену, в 1991 г. – Р.Коузу, в 1993 г. – Д.Норту и Р.Фогелю, чуть ранее – в 1974 г. – Г.Мюрдалю и Ф. фон Хайеку). Сегодня

©М.Н. Ким, В.М.Бережной, С.Ю. Дефорж, 2004

просто невозможно серьезное комплексное изучение общественных процессов без учета теорий общественного выбора (и ее ответвления – конституционной экономики), транзакционных издержек, прав собственности, клиометрии.

Целью настоящей работы является анализ некоторых аспектов институционального становления рыночной экономики в переходных трансформационных системах. При этом методологической основой нашей работы стали, с одной стороны, фундаментальные положения современной институциональной экономической теории, а с другой – исторический опыт строительства социальной рыночной экономики в передовых государствах Запада и странах Центральной и Восточной Европы.

"Критический пересмотр модели трансформации с соответствующей корректировкой вектора общественных преобразований", необходимость которого обоснована в концептуальном государственном документе "Европейский выбор..." [6, с.6], невозможен без трезвой, научной оценки реального социально-экономического положения страны, свободной от политической конъюнктуры. В узких рамках нашего исследования проведем небольшой сравнительный анализ некоторых обобщающих показателей социально-экономического развития Украины в 1991-2003 гг. с ведущими западными государствами, другими переходными странами, положив в основу объективные материалы международной статистики и прогнозные оценки специалистов.

Действительно, начиная с 2000 г. в Украине начался некоторый экономический рост: прирост ВВП (в % к предыдущему году) составил: в 2000 г. – 5,9%; в 2001 г. – 9,2%; в 2002 г. – 4,6% [14, с. 47]. Однако эйфория политиков должна заметно уменьшиться, если учесть: во-первых, глубину экономического кризиса (вероятно, неизбежного в условиях системной трансформации): в 2002 г. ВВП достиг только 49,4% от уровня 1990 г. [14, с.47], а реальная заработная плата за годы кризиса (1990-1999 гг.) уменьшилась в 3,82 раза [6,

с. 5]; во-вторых, скорость преодоления кризиса в других постсоциалистических странах – экономический рост начался там уже в первой половине 90-х годов: в Польше – с 1992 г. (прирост ВВП к предыдущему году составил +2,6%), в Чехии – с 1993 г. (+0,6%), в Венгрии – с 1994 г. (+2,9%) [5, с.4]. При этом зарубежные эксперты практически единодушны в том, что "достижение макроэкономической стабилизации должно рассматриваться в качестве необходимого, но далеко не достаточного условия для устойчивого экономического роста" [5, с.8].

Широкие возможности для сравнительного анализа положения постсоциалистических и развитых капиталистических стран в начале XXI века представляют данные последнего выпуска авторитетного немецкого ежегодника "Мировой альманах Фишера 2004" [19, S. 19-38] (табл. 1).

Мы ранжировали государства по показателю ИРЧП – "индекс развития человеческого потенциала" (англ. HDI – "The Human Development Index"). Этот показатель, предложенный экспертами ООН в 1990 г. в качестве основного для сравнения стран мирового сообщества, отражает три ведущих фактора жизни: долголетие (измеряется показателем ожидаемой продолжительности жизни при рождении); образованность (измеряется индексом грамотности взрослого населения и совокупным индексом числа поступивших в учебные заведения); доход (измеряется показателем ВВП (ВНП) на душу населения в паритетах покупательной способности валют).

Приведенные в таблице данные свидетельствуют: имея сходные с развитыми странами общецивилизационные предпосылки – демографические (уровень рождаемости, старения населения), макроэкономические (уровень индустриализации); проводя достаточно взвешенную бюджетную политику в области государственных расходов, Украина заметно отстает от мирового авангарда по важнейшим, обобщающим показателям ИРЧП (HDI) и ВВП (ВНП) на душу населения. Налицо и отставание от соседей по СНГ.

Таблица 1

Показатели уровня жизни в развитых странах и
в странах с переходной экономикой

1	2	3	4	5	6	7	Доля государственных расходов 1992-2001 гг., в % на:		
							8	9	10
	ИРЧП (НДП) – место, 2003 г.	ВВП на душу населения, 2001 г., долл.	Реальный ВВП на душу населения по ИПС, 2001 г., долл.	Сельское хозяйство в % ВВП, 2001 г.	Рождаемость (рождено на 1 женщину), 2001 г.	Доля лиц старше 65 лет в общей численности населения в %, 2001 г.	здраво-охранение	образование	оборону
I. Развитые государства:									
Швеция	3	25400	23800	2	1,6	17,5	2	7	6
США	7	34280	34280	2	2,1	12,6	21	2	15
Япония	9	35610	25550	1	1,4	17,6	2	6	4
Франция	17	22730	24080	3	1,9	16,1	16	7	3
Германия	18	23560	25240	1	1,4	16,4	17*	1*	7*
II. Бывшие соц. Страны, вступающие в ЕС (год):									
Чехия (2004)	32	5310	14320	4	1,2	13,8	17	9	5
Польша (2004)	35	4230	9370	4	1,3	12,2	2	5	4
Эстония (2004)	41	3870	9650	6	1,2	14,9	16	10	5
Литва (2004)	45	3350	8350	7	1,3	13,7	16	6	5
Болгария (2007)	57	1650	6740	14	1,3	16,2	5	4	8
III. Страны СНГ:									
Белоруссия	53	1290	7630	11	1,3	13,6	4	4	4
Россия	63	1750	6880	7	1,2	12,5	1	2	12
Украина	75	720	4270	17	1,2	14,3	2	6	5
Казахстан	76	1350	6150	9	1,8	7,5	2	4	4
Молдова	108	400	2300	26	1,4	11	3	4	1

Источники: Europa World Bank 2002; World Bank Atlas 2003; World Development Indicators 2003; Unicef 2003; JWF; Nationale Statistiken.

* данные на душу населения и другие временные границы.

По данным отечественной статистики среднемесячная номинальная заработная плата составляла в 2002 г. (в долл.): в РФ – 184 (2001 г. – 111,1); в Казахстане – 152 (114,0); в Белоруссии – 115 (86,6); в Украине – 83 (57,9) [15, с. 78].

Неутешительно выглядят и долгосрочные прогнозы отечественных и зарубежных специалистов. Так, по расчетам, сделанным в докладе ИМЭПИ Российской Академии Наук, при нынешних тенденциях развития Украина сможет достичь к 2015 г. только 22% от нынешнего среднего показателя ВВП на душу населения по странам ЕС (Россия – 41%) [5, с. 14]. Украинский эксперт, член Совета Национальной безопасности и обороны Украины В.Гошовская, приводит еще более пессимистический прогноз: при ежегодном стабильном росте экономики на 3,5 %, Украина догонит страны ЕС по показателю ВВП на душу населения через 100 лет, и лишь через 20 – 25 лет этот показатель достигнет 20 – 25 % от нынешнего уровня стран ЕС [3, с. 21].

Основываясь на результатах сравнительного анализа социально-экономического развития Украины в 1991 – 2003 г.г., выделим основные факторы, определяющие очевидную затянутость процессов трансформации:

1. Отсутствие научно обоснованной концепции социально-экономического развития страны в процессе системной трансформации, обуславливающее противоречивость и непоследовательность экономической политики государства. В научных и политических кругах сейчас общепризнано, что доминировавший на первом этапе реформ узкоэкономический и американоцентристский подход, в соответствии с которым преобразования проводились по рецептам "Экономикс" и стандартным методикам МВФ, МБР, ВТО оказался ошибочным. Любопытна оценка одного из ведущих американских экономистов, лауреата Нобелевской премии 2001 г., старшего вице-президента Всемирного банка Дж.Стиглица, который считает, что причина провала российских реформ обусловлена "неспособностью понять движущие си-

лы реальной рыночной экономики – неспособностью, связанной с несостоятельностью самой неоклассической модели экономики", т.е. реформаторы "находились под слишком сильным влиянием чересчур упрощенных моделей рыночной экономики, заимствованных из учебников" [см. 22]. Наиболее ярким примером успешного единения теории и практики является немецкое "экономическое чудо" (к началу 60-х годов ВВП Западной Германии увеличился по сравнению с 1950 г. почти в три раза; среднегодовые темпы экономического роста за десятилетие составляли почти 10% – [17, с. 41]), основой которого стала концепция социального рыночного хозяйства. Концепция СРХ возникла как результат генезиса трех основных школ германской ветви неолиберализма – ордолиберализма. Ее научный фундамент разработали в 1920 – 1950-е годы В.Репке, А.Рюстов, В.Ойкен, Ф.Бем, А.Мюллер – Армак.

2. Ослабление государственной власти. Общепризнано, что государство сыграло главную роль в кейнсианской трансформации западных экономик, ставшей объективно неизбежной в результате глобального кризиса классического капитализма свободной конкуренции после двух мировых войн, социалистической революции в России и Великой Депрессии 1929 – 1933 г.г. А.Городецкий справедливо указывает, что государства Запада являют собой пример сознательных, решительных и последовательных действий в сложный переходный период системных изменений: они сами "инициировали эти трансформационные процессы, обеспечивали их концептуально, стратегически и программно, а также правовым и властно-административным ресурсом" [2, с. 128–129]. Государство становится главным экономическим субъектом постиндустриального общества, взяв на себя ключевые функции в социальной сфере, в стратегическом планировании, интеграционных процессах, глобализации, экологии и т.д. При этом его роль в постсоциалистических преобразованиях вообще исторически беспрецедентна. Я.Корнай подчеркивает, что даже "архитектору" немецкого "экономического чуда" Л.Эрхарду

"не приходилось сталкиваться с задачей создания "искусственных" частных собственников, как будто в лаборатории" [10, с. 116-117]: он имел дело не с уничтоженным, как в соцстранах, а только с "приостановленным" (по определению Л.Бальцеровича) капитализмом. Очевидно, что в условиях социалистической системы советского типа, базировавшейся на практически полностью доминировавшей государственной (общественной) собственности, с юридическим и идеологическим запретом частной собственности, исключается сама возможность спонтанного возникновения (в понимании Ф.Хайека) рыночной экономики, утопичны надежды на саморегуляцию рынка ("невидимую руку" по А.Смиту). Как подчеркивает немецкий исследователь К.Херманн-Пиллат: "... рыночная экономика – это не "естественным образом" возникающая конструкция "заданной гармонии", а конструкция в высшей степени хрупкая, требующая постоянной "политической защиты" [18, с. 47].

К сожалению, проблема определения места и роли государства в рыночной экономике остается предметом острой научной дискуссии, а часть отечественного политикума, находясь под явным влиянием либеральных доктрин, целенаправленно привела к снижению доли госрасходов в ВВП до беспрецедентно низкого уровня: в 2003 г. в Украине она составила только 23,6 % (объем ВВП в 2002 г. – 220,556 млрд. грн., расходы госбюджета на 2003 г. – 52,056 млрд. грн.) [14, с. 47; 7, с. 7], что привело к резкому ослаблению позиций государства в переходных процессах. Отметим, что в развитых государствах доля госрасходов в ВВП неуклонно растет, что связано с растущей ролью государства в решении социально-экономических задач: например, в 2001 г. она составила от 30,4 % ВВП в США, до 45,7% ВВП – в Германии; 50,8 % – во Франции; 52,9 % – в Швеции [8, с. 261]. В абсолютном выражении только налоговые поступления в Германии составили в 2000 г. астрономическую для нас сумму 467 млрд. евро [20, с. 40]. Мы привели последний показатель для того, чтобы наглядно показать: о какой

системообразующей роли государства в трансформационных процессах может идти речь, если госрасходы бюджета Украины на 2003 г. запланированы в объеме, не достигающем 9 млрд. евро (в перерасчете по текущему курсу) [7, с. 7]? В условиях такой финансовой ослабленности правительство не способно даже обеспечить населению минимально необходимый объем базовых социальных услуг. Обратимся вновь к опыту рыночных преобразований в странах ЦВЕ. Авторы уже упоминавшегося нами доклада ИМЭПИ РАН разделяют страны постсоциалистической Европы на две группы – "удачников" и "неудачников" реформ по критерию удельного веса госрасходов в ВВП и связанных с ними темпов роста. В первой группе стран (Польша, Венгрия, Словения) показатель удельного веса госрасходов в ВВП в течение 90-х годов стабильно поддерживался в пределах 45-50 %, а в критические годы трансформационного спада (1990-1993г.г.) даже увеличился, достигнув в Венгрии 62%. В результате здесь уже с 1993-1994 г.г. наблюдается положительная хозяйственная динамика (макроэкономическая стабилизация). Во второй группе стран (Болгария, Румыния, Россия, Украина) показатель доли госрасходов в ВВП составлял 25-35% и ниже, что стало главным материальным фактором затянувшейся экономической стагнации [5, с. 6].

Вопрос определения объективных границ государственного участия в экономике – ключевой в процессе становления и эффективного функционирования рыночной системы. Как не допустить превращения государственной машины в Левиафана (по Бьюкенену); установить "контроль над контролерами" (Херманн-Пиллат)[18]? Данная проблема требует дальнейшего углубленного теоретического исследования.

3. Важнейшим фактором, определяющим содержание и продолжительность процесса трансформации, является оптимальное сочетание общих закономерностей и национальных (региональных) особенностей в ходе становления рыночной экономики. Этот фактор слабо исследуется отечественной наукой и практически игно-

рируется политиком. Подобное положение, на наш взгляд, объясняется определенной вторичностью, аутсайдерством нашей социально-экономической теории по отношению к западной. А для современных европейских исследователей вопрос о базовых, институциональных предпосылках рыночной экономики просто не стоит: хозяйственно-правовые рамки, необходимые для развития капитализма практически повсеместно утвердились в Европе еще в 1860-е годы [8, с. 22]. Многочисленные последующие модификации капитализма ("Новый курс" Рузвельта, "социальное рыночное хозяйство" в Германии, "государство благосостояния" в Швеции и др.) объективно предполагали наличие общего фундамента – рыночной экономики с адекватной инфраструктурой и институциональной системой: "... социальное правовое государство реализуется *только при наличии крепкого общественного фундамента, созданного в предшествующие эпохи*, на основе высокоэффективной и динамичной экономики в демократическом государстве с развитыми социально-правовыми и социально-политическими институтами" [там же, с. 72] (Курсив наш). Отсюда аксиома: в переходный период от социализма к капитализму приоритетное значение имеют общие закономерности становления рыночной экономики. Государство в короткие сроки должно создать "каркас" рыночной экономики – многочисленные институты, не существовавшие при социалистической системе. К ним относятся институты, обеспечивающие: свободный вход на рынок и свободный выход с рынка; правовую регламентацию функционирования предприятий частной и других форм собственности; условие для здоровой конкурентной среды (сердцевина эффективной рыночной системы); регулирование экономических процессов и обеспечение устойчивого развития; социальную стабильность и реализацию принципов социальной справедливости.

Пока же на постсоветском пространстве происходит, по справедливой оценке М.Дерябиной, "главным образом имитация

элементов рыночной инфраструктуры, скопированной с развитых стран", создаются рыночные структуры, представляющие по меткому выражению Я.Корнаи "пластиковый макет Уолл-стрита" [4, с. 109, 120]. Французский экономист И.Самсон отмечает, что: "Россия сегодня имеет *монетарную экономику с наемным трудом*, правда, с некоторыми ограничениями. Она пока не управляется рыночным соглашением, то есть *еще не является рыночной экономикой*" [13, с. 134].

Отметим, что в научной среде сегодня наблюдается редкое согласие по проблеме определения приоритетного вектора общественных преобразований в переходных странах. В концентрированной форме его выразил корифей современного институционализма Д.Норт: "Только сейчас в социалистических странах стали понимать, что именно базовая институциональная система этих стран является причиной плохого функционирования экономики, и поэтому пытаются взяться за задачу перестройки институциональной системы с целью создания новых стимулов, которые, в свою очередь, должны заставить организации вступить на путь роста продуктивности" [11, с. 142].

Опыт передовых стран, государств ЦВЕ, а также негативный пример "третьего мира" показывает, что без становления институциональной основы рыночной экономики невозможно построение эффективных рыночных механизмов. Показательна в данной связи позиция известного польского реформатора Л.Бальцеровича (она особенно интересна для нас, поскольку его деятельность являет собой редкий пример достаточно успешного воплощения разработок ученого-теоретика на практике: в 1989-1991 гг. Бальцерович руководил осуществлением "шоковой терапии" в правительстве Польши. Этот пример сопоставим, пожалуй, с работой основоположника "правого институционализма" Дж. Коммонса в администрации президента Ф.Рузвельта – в рамках "Нового курса" ученый успешно руководил становлением трудового законодательства США. Деятельность отечественных теоретиков в

правительствах постсоветских стран – Л.Абалкина, Е.Гайдара, В.Пинзеника оказалась куда менее успешной). Позиция автора программы "шоковой терапии" существенно изменилась. Если в начале 90-х годов он выдвигал на первый план задачи макроэкономической стабилизации и микроэкономической либерализации, то уже в середине 90-х гг. признал приоритетное значение институциональных изменений: "Важнейшие макроэкономические проблемы, такие как хроническая безработица и инфляция, ... деформация рынков, налоговых или финансовых систем ... объясняются действием институциональных факторов [1, с.9]. При этом главный сторонник дискретного, "шокового" характера преобразований прямо предупреждает: "Политики, принимающие решения, должны помнить... – политика стабилизации и либерализации принесет результат значительно раньше, чем институциональные изменения" [Там же, с.164]. И напрасно, на наш взгляд, полемизируя с Л.Бальцером по проблеме обязательности и приоритетности институциональных изменений в переходный период, известный российский теоретик Ю.Ольсевич (в материале под нарочито саркастическим заголовком "Институционализм – новая панацея для России?") иронизирует: "...Бальцер считает... зайдите в магазин готового импортного платья и независимо от вашей культуры и традиций выберите себе современную институциональную одежду по размерам своего человеческого капитала [12, с.38]. Очевидные трудности, пробуксовка рыночных реформ в который раз реанимируют готовые стереотипные объяснения об уникальности, неповторимости нашей страны, т.е. ведут к выпячиванию национальных особенностей и игнорированию общих экономических закономерностей.

Исторический опыт институционального строительства позволяет выделить первоочередные, на наш взгляд, институциональные изменения (институты), проведение (создание) которых является приоритетным для любого переходного государства: правовое обеспечение отношений собственности (кодексы, законы и

механизмы их исполнения); контрактное право; рыночные трудовые законодательства (включая законы о забастовках, об отношениях наемных работников и работодателей, социальных гарантиях трудящимся); законодательство о защите конкурентной среды; антимонопольное законодательство.

Только создав базовые условия и правовые гарантии беспрепятственного развития рыночной экономики ("правила игры"), т.е. фундамент для эффективного мотивированного труда и здоровой конкурентной среды, можно поднимать проблему выбора наиболее привлекательной национальной модели развития.

Теоретическое обоснование становления институциональной системы переходных обществ является одним из наиболее актуальных и перспективных направлений социально-экономических исследований.

Литература:

1. Бальцер Л. Социализм, капитализм, трансформация: Очерки на рубеже веков. – М.: "Наука", Изд-во УРАО, 1999. – 352 с.
2. Городецкий А. Об основах институциональной трансформации (теоретический аспект)//Вопросы экономики. – 2000. – №10. – С.118-133.
3. Гошовська В. Стабілізуюча роль середнього класу в Україні//Україна: аспекти праці. – 2002. – №8. – С.15-23.
4. Дерябина М. Институциональные аспекты постсоциалистического переходного периода//Вопросы экономики. – 2001. – №2. – С.108-124.
5. Десять лет системной трансформации в странах ЦВЕ и России: итоги и уроки//Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – №5. – С. 3-14.
6. Європейський вибір. Концептуальні засади стратегії економічного та соціального розвитку України на 2002-2011 роки. Послання Президента України до Верховної Ради України//Урядовий кур'єр. – 2002. – 4 червня. – С.5-12.
7. Закон України "Про державний бюджет України на 2003 рік"//Урядовий кур'єр. –

2003. – 10 січня.
8. Западноевропейские страны: Особенности социально-экономических моделей. – М.: Наука, 2002. – 271 с.
 9. Конституция Украины. – Харьков: Веста: Изд-во "Ранок", 2001.
 10. Корнаи Я. Путь к свободной экономике. – М.: Экономика, 1990. – 149 с.
 11. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги "Начала", 1997. – 180с.
 12. Ольсевич Ю. Институционализм – новая панацея для России?//Вопросы экономики. – 1999. – №6. – С.27-42.
 13. Самсон И. Придет ли Россия к рыночной экономике?//Вопросы экономики. – 1998. – №8. – С.124-135.
 14. Статистичні таблиці з Послання Президента України до Верховної Ради України від 15.04.2003//Економіст. – 2003. – №6– С.46-91.
 15. Статистичні таблиці з Послання Президента України до Верховної Ради України від 15.04.2003//Економіст. – 2003. – №7.– С.34-80.
 16. Социальная политика. – М.: Изд-во "Экзамен", 2002. – 736с.
 17. Социальное рыночное хозяйство в Германии: истоки, концепция, практика. – М.: Росспэн, 2001. – 73с.
 18. Херрман-Пиллат К. Социальная рыночная экономика как форма цивилизации//Вопросы экономики. – 1999. – №12. – С.48-53.
 19. Der Fischer Weltalmanach 2004. – Fischer Taschenbuch Verlag. – Frankfurt am Main. – 2003. – 1472S.
 20. Munch U., Meerwaldt K., Finanzordnung im Deutschen Bundesstaat//Informationen zur politischen Bildung. – 2002. – №275. – 2.Quartal. – S.38-42.
 21. www.ilpp.ru/publications/ceeconst/Poland/02.html
 22. www.ilpp.ru/projects//govern/paf/Mau.pdf

Статья поступила в редакцию 08.01.2004

А.Б.ВЕРЕТЕННИКОВА,

Харьковский государственный экономический университет

ФОРМИРОВАНИЕ ФИНАНСОВОЙ СТРАТЕГИИ КАК РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА НА МИКРОУРОВНЕ

В соответствии с теорией неинституционализма под институтом понимается система формальных и неформальных правил поведения субъекта в социально - экономическом пространстве. Так как стратегии характеризуют сущность и направленность поведения предприятий, их следует рассматривать как необходимый и обязательный атрибут институционализма на микроуровне. Важность финансовой стратегии заключается в том, что именно через финансовые показатели отражаются все виды деятельности, происходит балансировка функций, целей и их подчиненность достижению основных целей предприятия. С другой стороны, финансы – источник, исходный момент для выработки осталь-

ных функциональных стратегий, так как финансовые ресурсы часто являются одним из важных ограничений на масштаб и направление деятельности.

Целью данной статьи является уточнение понятия финансовой стратегии, а также усовершенствование существующих классификаций, учитывающих особенности внешней и внутренней среды предприятия, характерные для периода трансформации экономических отношений.

В работе, посвященной стратегии и тактике управления финансами Станиславчик Е.Н. [1] рассматривает финансовую стратегию как функцию управления финансовыми потоками предприятия с целью

©А.Б.Веретенникова, 2004